

ФИЛОСОФИЯ

А.В. Гайда, К.Н. Любутин*
**РОССИЙСКИЕ ВЕРСИИ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА:
ИОСИФ СТАЛИН (1879–1953)**

Большевики пришли к власти на волне массового радикализма и экстремизма. Ни в экономическом, ни в политическом, ни в культурном отношении социализм в России не был реально обусловлен. Великий русский писатель В. Короленко, мудро оценивая ситуацию, замечал: легкость с которой удалось большевикам повести за собой массы, указывает не на готовность к социализму, а на незрелость народа. Поистине толпа приходит не туда, куда хочет, а куда ее несет...

Творцом Октября был Ленин. Сталину нужен был свой «Октябрь», и он его организовал. В «Кратком курсе» коллективизация, а на деле закрепощение крестьян, признается в качестве переворота, равнозначного по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г.¹

В процессе сталинской индустриализации и коллективизации возникла «масса», главной заботой которой было элементарное выживание, прокормление. Люмпен становился «гегемоном», он ориентировался на соответствующих вождей, поддерживал их, ждал покровительства. Сталин по своим личным качествам идеально отвечал настроениям плебейской пролетарской массы, зависимой от государства-работодателя.

В стране формировался государственно-феодальный социализм, тоталитарная система, в которой государство оказалось един-

---

* *Гайда Анатолий Войцехович* — заместитель руководителя администрации губернатора Свердловской области, главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН (по совместительству), доктор философских наук, профессор; *Любутин Константин Николаевич* — главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

¹ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1945. С.291.

ственным работодателем и собственником. Отношения собственности обезличиваются и максимально политизируются. Все общественные отношения вообще регулируются принудительно с помощью террористических методов.

От имени масс управляет государство, его аппарат находится в руках партии, партия обладает безраздельной политической властью в Советах, в партии господствует ЦК, а в нем — определенные структуры, над которыми возвышается Генсек. Г.П. Федотов это весьма точно подметил: «С политической частью формулы произошло дальнейшее сужение, в порядке последовательных уравнений, типичных для диктатуры: пролетариат = компартия = Политбюро = Генеральный секретарь. Сталин может сказать совершенно спокойно: социализм — это я»¹.

Теоретически Сталин вскоре вернулся к Программе РКП(б), принятой в условиях «военного коммунизма» на VIII съезде партии (март 1919). Сталинская версия марксизма вообще логически вела к свертыванию нэпа и к реставрации «военного коммунизма», или государственно-феодалного социализма с военно-феодалным диктатором во главе.

В идеологическом плане такого рода режимы покоятся на вере, которая сопровождает личную преданность диктатору, признание роли Вождя на иррациональном уровне. Насажение иррациональной веры вылилось в формирование светской религии. По мере уничтожения оппонентов и соперников, троцкистов, «новой оппозиции», «правых» и утверждения личной диктатуры Сталин отодвигал классический марксизм и разрабатывал свою версию «марксизма-ленинизма», которой и надлежало стать светской религией.

Парадигма была задана: есть ленинский этап развития марксизма, есть Сталин как Ленин сегодня. Напомним, что Сталин уже в 20-е гг. закладывал основы нужной ему «пролетарской историографии». В докладе VII расширенному Пленуму ЦККИ (1926) свою точку зрения на историю ВКП(б) он изложил так: «Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы больше-

---

¹ Федотов Г.П. Сталинокрафия // Современные записки. Париж, 1936. Т.60. С.379.

виков в 1903 г. и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий»¹.

Идеологическое обрамление версии «Сталин — Ленин сегодня» многопланово. Так, по случаю 50-летия Сталина в 1929 г. выходит коллективная монография «Сталин» (тираж 300 000). В ней всякого рода приветствия и фразы: «Рулевой большевизма» (М. Калинин), «Сталин и индустриализация страны» (В. Куйбышев), «Сталин и партия» (Л. Каганович), «Сталин и Красная Армия» (К. Ворошилов), «Сталин как вождь Коминтерна» (Д. Мануильский), «Сталин и дело большевизации секций Коминтерна» (О. Куусинен), «Теоретик и практик» (Г. Крумин), «Сталин как теоретик ленинизма» (В. Адоратский), «Сталин и национальная политика ленинской партии» (Н. Попов), «Твердокаменный большевик» (С. Орджоникидзе), «Революционер — большевик» (Е. Ярославский), «Стальной солдат большевистской партии» (А. Микоян), «Ленинец, организатор, вождь» (А. Бубнов), «Сталин — продолжатель дела Ленина» (М. Савельев), «Отрывки воспоминаний» (А. Енукидзе), «Штрихи» (Демьян Бедный).

Ответ юбиляра — воплощение самой скромности и преданности народу: «Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по своему образу и подобию. И именно потому, что отношу их на счет нашей славной ленинской партии, беру на себя смелость ответить вам большевистской благодарностью.

Можете не сомневаться, товарищи, что я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей»².

Несколько позже он направил особое письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» под названием «О некоторых

---

¹ *Сталин И.В.* Соч. Т.9. С.3.

² Правда. 1929. (№ 302). 22 дек.

вопросах истории большевизма» (1931). Суть письма содержит ту же методологическую установку: кто не с нами, большевиками, тот против нас, тот враг. Одним словом, история партии — это история борьбы на «два фронта», а точнее — со всеми несогласными с мнением Генсека. Внутрипартийная политическая борьба рассматривается как самоцель.

Напомним также, что Сталин вскоре после смерти Ленина прочитал слушателям Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова краткий курс «Об основах ленинизма» (апрель 1924), текст которого издавался многократно, в том числе во всех одиннадцати изданиях книги «Вопросы ленинизма». В этом по-своему ярком произведении, приспособленном к уровню партийца с минимальным образованием, Сталин обратил особое внимание на философию. Это не случайно. Сталин был неплохо философски подготовлен, не только знал, но и интуитивно понимал, что философия — фундаментальное основание всякой влиятельной идеологии и что философские постулаты в конечном счете принимаются на веру. О том, что философия сродни религии, длительное время проповедовали известные партийные деятели и друживший с ними М. Горький. Значимость Ленина как теоретика Сталин связывал именно с его философскими заслугами: «Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что никто иной как Ленин взялся за воплощение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного и того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антикоммунистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени никто иной как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»¹.

---

¹ Сталин И.В. Соч. Т.6. С.90.

Сталинская версия марксизма вообще и философии в частности служила политизации, складывавшейся по мере формирования сталинского тоталитарного режима, корни которого уходили в почву Октября 1917 г. Примечательна в этом плане установка Московского обкома РКП 1919 г.: «Из неисчерпаемых сокровищниц марксизма мы должны получить ровно такой паек, какой необходим для сегодняшней борьбы, не больше... Его (марксизм) нужно отпускать в том размере, который необходим для того, чтобы каждый из нас мог представлять собой большую политическую силу, но не больше»¹. Надо сказать, что подобранный Сталиным философский паек с удивительной психологической точностью соответствовал интеллектуальному уровню той партийно-государственной бюрократии, на которую, прежде всего, Сталин и опирался.

Прав был А. Грамши, заметив, что массы вообще не могут усваивать идеологию иначе, чем как веру.

Философия и в целом сталинский «марксизм-ленинизм» преподносились в качестве объекта веры. Сталин выступал в качестве Бога-творца, меча, разящего врагов, создателя священного партийного писания. И Сталин содействовал этому не только как диктатор, но и как незаурядный публицист. Лучше Л. Баткина вряд ли можно сказать об этом: «Текст Сталина, так сказать, магичен. Он неравен самому себе, больше самого себя. Он не подлежит обсуждению, но дает сигнал к очередному всесоюзному «изучению», «пропаганде», «разъяснению», зачитыванию вслух, к массовым — в миллион голосов, в миллион языков и ушей — идейным танцам в сети партийного просвещения... Тексты ведь и впрямь были историческими. Ими предвещалась судьба страны, от их сверхсмыслов могли зависеть жизнь и смерть целых категорий российских жителей, социальных классов и каждого человека в отдельном»².

Из истории катехизиса. Главное философское произведение Сталина — очерк «О диалектическом и историческом материализме» (1938). «По существу этот очерк выполнял функцию катехизи-

---

¹ Вестник пропаганды. 1919. № 3. С.4.

² Баткин Л. Сон разума // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С.36–37.

са, — замечает А. Огурцов. — Его автор (хотя до сих пор не ясно, был ли И. Сталин автором) обожествляется»¹.

Дабы определить, был ли Сталин автором этого очерка, вспомним эпизод начала века, когда предполагаемые публицисты (вроде Я. Стэна), у которых Сталин якобы кое-что позаимствовал, были в возрасте, не соответствующем сочинению философских очерков.

Думается, отрицать тот факт, что Сталин был ярким публицистом, прекрасно схватывавшим настроение людей, несерьезно и просто глупо. Он рано проявил интерес к философским проблемам. В 1906–1907 гг. Сталин публикует в ряде грузинских газет серию статей «Анархизм или социализм?», которые на русском языке впервые цитировались в книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (1935). Берия, тогда секретарь Заккрайкома ВКП(б), поручил С. Касьяну, старому большевику, председателю Верховного Суда ЗРСФСР, написать историю большевистских организаций Закавказья. Книга была написана. Берия потребовал переписать роль Сталина, Касьян отказался. Просьбу Берия выполнил один из аппаратчиков — Бедия. Оба впоследствии были уничтожены как враги народа. Книга вышла под фамилией Берии.

Эти статьи у создателей культа Сталина — философов вроде М. Митина — вызвали неописуемый восторг, их называли «наиболее зрелым итогом в развитии человеческой мысли», подчеркивали, что они появились ранее самого «Материализма и эмпириокритицизма». Впоследствии эти статьи вошли в качестве незаконченного произведения в первый том сочинений Сталина.

Что касается существа дела, то можно отметить, что в этом произведении, содержащем три раздела (диалектический метод, материалистическая теория, пролетарский социализм), Сталин противопоставляет анархическому пониманию философских и иных проблем свое их понимание с опорой в том числе на «Анти-Дюринга», «Людвига Фейербаха» Энгельса.

---

¹ Огурцов А. Подавление философии // Суровая драма народа. М., 1989. С.368.

Рассмотрим некоторые положения работы Сталина. Он именует марксизм цельным мировоззрением, философской системой, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса. Эта философская система называется диалектическим материализмом (напомним, что впервые это название применительно к философии марксизма ввел Плеханов). Вот характерный прием изложения: «Почему эта система называется диалектическим материализмом?

Потому что *метод* ее — диалектический, а *теория* — материалистическая»¹.

Диалектический метод требует рассматривать всякое бытие в движении и развитии. Движение имеет двоякую форму: эволюционную и революционную, т.е. существуют количественные и качественные изменения. От астрономии до социологии — везде находит подтверждение мысль, что в мире все изменяется, все развивается.

Далее автор обрисовывает материалистическую теорию, рассматривая соотношение материального и идеального, критикует идеализм и дуализм и делает вывод: «Единая и неделимая природа, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни.

Таков монизм материалистической теории»².

Согласитесь, неординарное обобщение. Если к сказанному добавить, что вся работа отличается четкой логикой и аргументацией, точной адресностью и популярностью изложения, то подобное сочинение могло бы украсить список научных работ любого философа из породы «ельцинистов». Но дело не в этом.

Дело в том, что очерк «О диалектическом и историческом материализме» текстуально воспроизводит основные постулаты статей 1906–1907 гг. Так что сомнения по части авторства здесь беспочвенны.

---

¹ Сталин И.В. Соч. Т.1. С.298.

² Там же. С.313.

Катехизис. Относительная свобода 20-х гг., когда складывались философские школы марксистского толка и развертывалась дискуссия между «механистами» и «диалектиками», к началу 30-х гг. ушла в небытие. Теоретический итог дискуссии был невелик. Иное дело — итог политический. Сталин, устраняя «правых» и «левых» противников, сделал упор на идеологическое закрепление своих политических позиций. Его речь «К вопросам аграрной политики в СССР» (декабрь 1929) свидетельствовала о «великом переломе» и в этой сфере. Вывод вождя был однозначен: теоретический фронт отстает от «успехов практического строительства». То же и в философии. Появляются призывы вести борьбу «на два фронта»: против «механистов» (философской основы «правого» уклона) и «меньшевистствующих идеалистов» (методологии троцкизма). В декабре 1930 г. Сталин встретился с членами бюро партийной ИКП и поставил перед «молодыми партийцами» такую идеологическую задачу: «Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били»¹. Речь шла о Плеханове и Деборине, Бухарине и Аксельрод. Досталось Гегелю и Энгельсу.

В начале 30-х гг. дезавуируются все имеющие хождение учебники по истории партии. Создается комиссия по написанию нужного Сталину учебника. Непосредственную работу выполнили Е. Ярославский, В. Кнорин (вскоре репрессированный), П. Поспелов. Считалось, что Сталин является автором философского очерка. Позднее он объявил себя автором всей книги, которая под названием «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» вышла в свет осенью 1938 г.

Знаменитый второй параграф «О диалектическом и историческом материализме» Сталин поместил в главу четвертую «Краткого курса», которая охватывает 1908–1912 гг. и называется «Меньшевики и большевики в период столыпинской реакции. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию». Почему именно в эту главу вторгается философский очерк? Потому что в период, обрисованный в этой главе, публикуется

---

¹ *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия: Политический портрет Сталина // Октябрь. 1988. № 12. С.69.

книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В ней, считает Сталин, содержится защита теоретических основ марксизма — диалектического и исторического материализма. В своеобразной преамбуле ко второму параграфу Сталин предлагает основные философско-теоретические выводы книги Ленина. Их шесть, и суть их — «борьба», «борьба» и «борьба». Слов нет, эта работа Ленина — пример жесткой политизации философии. Но в ней есть кое-что и сверх того. Вот это «кое-что» Сталин выдает за свое, заставляя читателя верить, что он излагает содержание книги Ленина. Однако дело обстоит далеко не так. Излагая «теоретические основания марксистской партии», Сталин отвечает на два вопроса: 1) что такое диалектический материализм? и 2) что такое исторический материализм?

Сталин именует диалектический материализм мировоззрением марксистско-ленинской партии, а исторический материализм — распространением положений диалектического материализма на изучение общественной жизни. Сделав несколько исторических замечаний, Сталин характеризует диалектический метод, противопоставляя диалектику метафизике. Он не употребляет применительно к марксистско-ленинской философии термин «наука» (диалектический материализм — мировоззрение), а, говоря о диалектике, толкует не о законах, а о *чертах*.

В противоположность метафизике диалектика исходит из того, что: а) природа есть связанное целое; б) природа находится в состоянии непрерывного движения, изменения, развития; в) процесс развития есть движение по восходящей линии как переход от старого качественного состояния к новому, от простого к сложному, от низшего к высшему; г) источником развития является «борьба» противоположных тенденций, борьба противоположностей составляет внутреннее содержание процесса развития, превращения количественных изменений в качественные. Таковы, по Сталину, четыре основные черты марксистского диалектического метода.

Далее посредством выделения трех основных черт Сталин раскрывает свое понимание марксистского философского материализма. Эти черты отмечаются «в противоположность идеализму». А именно, философский материализм Маркса исходит из того, что:

а) мир по своей природе материален; б) сознание вторично, это свойство высокоорганизованной материи и является ее отображением; в) мир и его закономерности вполне познаваемы.

Нетрудно понять, заключает Сталин, какое огромное значение имеет применение философского материализма и диалектического метода к изучению истории общества, к практической деятельности партии.

Содержание философского очерка Сталина далеко не адекватно книге Ленина, на изложение которой Сталин сделал ставку. Он предложил свою версию философии марксизма, разделив ее на «два материализма», создав почву для многолетних бесплодных споров о соотношении предметов этих материализмов. Два сталинских материализма содержат, в сущности, то, из чего можно было делать непосредственные политические выводы по принципу «если, то...». Таких выводов в очерке много. Например, «если развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий... то ясно, что классовая борьба пролетариата является совершенно естественным и неизбежным явлением... Значит, чтобы не ошибиться в политике, надо проводить непримиримую классовую пролетарскую политику»¹. И далее в том же духе.

Итак, появился философский катехизис. Он на многие годы определил основные мотивы преподавания философии в стране и основные линии научной работы. В очередном издании «Краткого философского словаря» (под ред. М. Розенталя и П. Юдина) читаем: «Это произведение И.В. Сталина является подлинной вершиной марксистско-ленинской философской мысли... Эта книга наряду с великими произведениями Маркса, Энгельса и Ленина стала настольной книгой борцов за коммунизм во всем мире»². Сталинский очерк был прокомментирован М. Леоновым в «Очерках диалектического материализма» (М., 1948) на 655 страницах, М. Розенталем в нескольких изданиях «Марксистского диалектического метода» (с 1939 по 1952 г.) и др.

---

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : Краткий курс. М., 1945. С.105–106.

² Краткий философский словарь. М., 1951. С.354–356.

Сам Сталин так оценил свой ответ на поставленные им два вопроса (что такое диалектический материализм? что такое исторический материализм?): «Из этого видно, какое теоретическое богатство отстоял Ленин для партии от покушений ревизионистов и перерожденцев и какое важное значение имело появление в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» для развития нашей партии»¹.

Мы уже говорили, что содержание философского очерка Сталина далеко не адекватно ленинской версии философии марксизма, а тем более философскому учению Маркса. В сталинском диалектическом и историческом марксизме не нашлось места центральной проблеме мировой философии — проблеме человека. Официальная государственная советская философия была загнана в сталинское русло.

Здесь полагаем уместным сделать два замечания.

Во-первых, советская философия никогда не сводилась к конспектированию идей Сталина, как ныне изображают ее (ельцинисты). Вне «официальной линии» находится творчество мыслителей, которое приобрело мировое звучание. Речь идет вовсе не о представителях «религиозного Ренессанса», а о работавших в СССР ученых — от Л. Выготского до Э. Ильенкова. В этом можно убедиться, просмотрев два тома «Философия не кончается...» (М., 1998).

Во-вторых, обратим внимание читателей на статью академика Т.И. Ойзермана, опубликованную во втором номере журнала «Вопросы философии» за 2000 г.

Приведа рассуждения Энгельса о том, что «современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками», что это «просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некой особой науке наук, а в реальных науках», Т. Ойзерман делает вывод: «Это уже не отрицание философии вообще, а отрицание философии в старом смысле слова, т.е. отрицание традиционной философии, каждая система которой претендовала объять необъятное, построить цельную, охватывающую

---

¹ Краткий философский словарь. С.127.

все существующее картину мира»¹. По «Анти-Дюрингу», так и получается, но только с одной стороны. К тому же, понятие «просто мировоззрение» маловразумительно, как и тезис о «понимании природы, какова она есть», так сказать, сама по себе, вне отношения к познающему и практически действующему субъекту. С другой стороны, наследие старой философии сконцентрировано в диалектическом методе. И в связи с этим в «Анти-Дюринге», тем более в «Диалектике природы» новая философия, возрожденная марксизмом, подается как наука, именно наука о «наиболее общих» или «всеобщих» законах развития природы, общества и мышления — наука, если и не стоящая над другими, естественными и общественными, науками, то во всяком случае не исчезающая «в положительной науке». Т. Ойзерман, обобщая весьма противоречивые рассуждения Энгельса, заключает: «Итак, предметом диалектического материализма являются универсальные законы диалектики, которые характеризуются как определяющие все процессы, совершающиеся в природе, обществе и познании»². Если вспомнить, что Энгельс предполагает создать диалектику как науку о всеобщей связи, то надо признать, что из этой всеобщей связи он выводит всеобщность развития.

Подход Энгельса получает развитие у Плеханова и Ленина. Именно Плеханов, говоря о марксистской философии, ввел применительно к ней сочетание слов «диалектический материализм» (не Дицген, как считает Т. Ойзерман. Дицген многократно повторяет словосочетание «социалистический материализм», который, как и Энгельс, считает диалектическим).

Что же до Энгельса, то надо, во-первых, напомнить еще об одном пассаже. В «Диалектике природы» ставится задача создать науку о всеобщих связях, в «Анти-Дюринге» утверждается, что особая наука о всеобщих связях становится излишней. Во-вторых, на наш взгляд, сама постановка вопроса об универсальных законах

---

¹ Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма // Вопросы философии. 2000. № 2. С.9.

² Там же. С.13.

бытия наталкивается на признание качественной и количественной его бесконечности. Любая всеобщность ограничена и относительна, а не абсолютна. Если ее понимать не по-гегелевски.

Т. Ойзерман полагает, что, говоря о сформированных Гегелем законах диалектики, Маркс и Энгельс имели в виду «повсеместно совершающиеся диалектические процессы», находящие свое выражение в закономерностях, «устанавливаемых фундаментальными науками». Одним словом, никаких законов, неизвестных фундаментальным наукам, философия не открывает, ибо «нет и не может быть особого класса законов, верховных законов»¹. Вывод: «Предметом диалектического материализма являются не пресловутые «законы диалектики», а гипотетически полагаемый всеобщий диалектический процесс, содержание которого образуют установленные науками факты: движение, изменение, развитие в природе, обществе, познании. Материалистическая диалектика есть поэтому *общая* теория движения, изменения, развития, обобщающая *специальные* теории движения, изменения, развития, созданные в биологии, геологии, астрофизике, социологии и ряде других наук»².

Надо сказать, что такого рода вывод к позиции Маркса, в сущности, никакого отношения не имеет. А вот Энгельс, Плеханов и Ленин видели в диалектике науку о «пресловутых» законах. Поясняя свое понимание диалектики, Т. Ойзерман далее пишет: если сохранять наименование «законы диалектики», то следует иметь в виду лишь «некоторые общие черты»³, присущие процессам, которые определяются законами фундаментальных наук. Люди «не овладевают так называемыми законами диалектики», а пользуются диалектическим методом, как методом

---

¹ Ойзерман Т.И. Опыт критического осмысления диалектического материализма. С.14.

² Там же. С.14–15.

³ Там же. С.21.

теоретического мышления. Т. Ойзерман говорит о некоторых чертах диалектики, и это очень любопытно. Т. Ойзерман воспроизводит подход к диалектике, который был характерен для И. Сталина. Взятая сама по себе сталинская версия философии марксизма выходит за пределы того содержания, что закрепилось за понятием «марксистская философия». И та отрицательная роль, которую сыграла эта версия, связана прежде всего не с ее теоретическим содержанием, а с тоталитарным сталинским режимом.